

М.С. Смолякова
г. Могилев, Беларусь

ЧУДО ОТ ВЕРЫ ИЛИ ВЕРА ОТ ЧУДА? НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАРОДНОЙ ВЕРЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.С. ЛЕСКОВА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Имена Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова принято ставить рядом. Связано это с теми вопросами современной действительности, которые в одинаковой мере волновали обоих писателей: нравственность и безнравственность, вера и неверие, церковь и общество, национальность и народность. Но главная сближающая их проблема – это тайна русского характера. Однако решали они ее каждый по-своему. Как отметил Л.А. Анненский, "общего языка нет, хотя оба писателя решают одну задачу: оба пытаются применить нравственный абсолютизм к человеческим ценностям и человеческие ценности к реальной жизни". Фигурально говоря, оба строят один замок, но тот (Достоевский. – М.С.) – с воздуха, а этот (Лесков. – М.С.) – с земли. Из небесной бездны земная глубь не различается: связи почти нет, возникает не связь, а аннигиляция... [1; с. 304]. Вот эта "аннигиляция" проявилась в серьезной дискуссии, развернувшейся между писателями по поводу лесковских "Соборян" и повести "Запечатленный ангел".

На первый взгляд, Достоевского привлекли в этих произведениях сюжетные несуразицы и нелепости, связанные с попытками Лескова логически объяснить чудесные явления, которые он изобразил и в романе, и в "святочном рассказе". "Это повесть, – пишет о "Запечатленном ангеле" Достоевский в полемической статье "Ряженный", – о том, как раскольники, человек сто пятьдесят, целою артелью перешли в православие, вследствие чуда... Очень занимательно рассказано" [2, т. 21, с. 58]. И тут же он ставит Лескову иронический вопрос: чему ж тут радоваться, чуду распечатления или соскользнувшей бумажке? Задно он вспомнил описанный Лесковым в "Соборянах" конец дьякона Ахиллы: "Поимка черта... чтобы мотивировать смерть от пролуды" [2, т. 21, с. 57]. Тем самым развернулась полемика по поводу совсем не "чудного", а философского вопроса.

Лесков, трезвый реалист, знаток народной "дури", часто заявлявший, что "русский народ не христианин, а еретик" [3], ни в какое чудо не верит. Он, не раз сталкивавшийся с явлениями суеверия, сектантства, обрядоверия в русской народной жизни, хорошо знавший апокрифы, религиозные легенды и духовные стихи, созданные в народной среде, понимал, что в реальной, бытовой жизни русский человек склонен сблизиться мистическим и непонятным, *верит от чуда*. Достоевский же, как отмечал Анненский, "всцело втянутый в ситуацию "культуры", ищет выхода в "безднах" и "пророчествах", в осознании чуда, тайны и авторитета" [1, с. 299].

У Достоевского возможно только одно — чудо от веры. Именно это и разделяет двух классиков.

В этой связи интересным представляется изображение Лескова и Достоевского одного и того же явления: образа московского юродивого Ивана Яковлевича Корейши (1783-1861). Они обратились к нему независимо друг от друга, в разные годы и в произведениях совершенно не соответствующих по жанру. Достоевский — в 1872 г. в романе "Бесы", Лесков — в 1883 г. в "святочном рассказе" "Маленькая ошибка".

В толковом словаре В.И. Даля поясняется: "юродивый, безумный, божевольный, дурачек, отроду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвидение; церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении юродивый иногда глупый, неразумный, безрассудный... Принимать на себя юродство, юродиться, юродствовать, напускать на себя дурь, прикидываться дурачком, как дельцы встарь шуты; шалить, дурить [3, т. 4, с. 669]. Из этого следует, что в XIX в. к явлению юродства отношение было весьма скептическим, несмотря на то что оно имело глубокие исторические корни и было призванием преимущественно русского православия. Именно на Руси юродство как особый чин мирской святости достигает полного расцвета, неведомого ни греко-византийскому, ни тем более римско-католическому миру. Известно, что русская православная церковь только официально причислила к лику святых 36 юродивых.

Содержание этого подвига уникально и в определенном смысле парадоксально. Внешне оно проявляется в отщипании и попрании всяческих общественных установлений и приличий. Юродивый предстает порочным, безобразным и безумным перед миром и людьми, но пребывает добродетельным и мудрым перед Богом. Это противоречие разрешается через юродствующее "посмеяние миру": своим мнимым безумием, "мудрой глупостью", юродивый посрамляет "глупую мудрость" мира. Не случайно в период расцвета этого явления на Руси в XIV — XVII вв. юродивый становится "ходячей мирской совестью, живым образом, обличения людских пороков". Но позднее юродство "спускается в народ и претерпевает процесс вырождения" [5, с. 201], не исчезая, однако, окончательно из русской жизни. И даже еще в середине XIX в. в Москве и Петербурге почитались бл. Анна Ивановна, бл. Матренушка-Босоножка, Пелагея Ивановна Серебрянникова, Василий Босой, Егорушка Тихвинский, петербургский затворник Матвей, странник Александр Михайлович Крайнов, странница Дарьюшка, юродивый Иоанн, Прокопий Усюжский, преподобный Михаил Клопский. Но попутно появлялись и темные личности, которые принимали личину юродства из своих личных, прагматических интересов. И зачастую одно от другого, лик от личности отделить было сложно.

Иван Яковлевич Корейша, широко известный в Москве юродивый, по несправедливому навету сорок лет провел в сумасшедшем доме — Преображенской больнице. Но к нему даже туда съезжались за советами со всех концов России: о нем стала распространяться слава прорицателя. Она росла и проникала во все слои общества до литературного и университетского мира включительно. Известно, что его ответов на духовные вопросы искали такие известные современники, как, например, филолог и будущий академик Ф. Буслаев, Н.В. Гоголь (хотя последний так и не решился нанести ему визит) [6]. Однако из множества людей, посещавших блаженного Иоанна Яковлевича, большинство не знали и не интересовались подвижником и путями его аскетических подвигов, как и православной верой вообще, а приезжали только для того, чтобы разузнать будущее своих дел и испытать новую живую диковину — сумасшедшего пророка. Именно этот жизненный материал привлекал внимание такого знатока русской религиозности, как Н.С. Лесков. Сюжет его святочного рассказа "Маленькая ошибка" строится на повествовании о том, как в семье, столь превращенной к советам Ивана Яковлевича, происходит грех и недоразумение. Родители просят у Господа послать чадо своей бездетной старшей, замужней дочери, а беременеет младшая, незамужняя. Причин тому в

рассказе две. Первая — чисто реальная и житейски объяснимая: грех Екатерины Никитишны. Вторая, которую автор подает безо всяких комментариев, — "маленькая ошибка" якобы Ивана Яковлевича и в то же время матери обеих дочерей, которая вместо старшей Капитолины подала в просительной записке для молитвы Ивану Яковлевичу имя второй своей дочери — Екатерины. В святочном рассказе Лескова реальные и мистические мотивы, двигатели сюжета, переплетаются по бытовому и не без комизма. Он заканчивается так, как и положено святочному рассказу. В финале у Екатерины Никитишны просит руки ее соблазнитель, родители довольны, просительная записка у Ивана Яковлевича изъята и разорвана на мелкие клочки.

Но начинается рассказ со свойственной Лескову иронии по поводу глобальных вопросов, решаемых его современниками и в литературных салонах, и на страницах больших романов: "Вечерком, на святках, сидя в одной благоумной компании, было говорено о вере и неверии (курсив мой. — М.С.)" [7, т. 4, с. 252]. Родители обеих дочерей — люди обывольные, обрядоверы. Они "прилегают" Ивану Яковлевичу не в духовных, а в житейских своих нуждах. Отсюда и возникающий в рассказе комизм: тетушка не верит в "непорочное зачатие" своей дочери, пусть и по молитвам Ивана Яковлевича, а дядюшка хочет взять в руки большую палку и отправиться "чудотворца бить". Соль рассказа о вере и неверии состоит в том, что тетушка и дядюшка, считавшие себя людьми истинно верующими, идут к Ивану Яковлевичу не с одной, а с двумя просьбами: "Рабе Капитолине отверзть ложесна, а рабу Ларии усугубити веру". Ларий — имя мужа Капитолины. Зять тетушки — художник, который хота и расписывает храмы, но при этом играет в карты и чертыхается. В дальнейшем все переворачивается. В минуту испытания веры зять выступает как истинный христианин, мудрец и миротворец, хотя все это не по большой вере, а в обычном житейском смысле. При этом он настаивает на том, что все сделалось по молитвам Ивана Яковлевича, и даже выступает как учитель в вере для тех, кто еще вчера ходил просить об укреплении его в вере. Карнавальная путаница вполне соответствует духу святочного рассказа.

Но один из главных вопросов состоит в том, как изображен сам Иван Яковлевич у Лескова. Несмотря на то что формально он стоит в центре событий, его роль в рассказе, по существу, чисто служебная — создавать комичные ситуации. В рассказе упоминается, что Иван Яковлевич сидит в сумасшедшем доме и его неясное бормотание, "пророчества" вроде "есть убо небесе", скорее, можно принять за бред сумасшедшего. Реплика же тетушки о том, что "все ему явлено", в контексте рассказа воспринимается, скорее, как сила самовнушения, не выдерживающая, однако, проверки жестокой реальностью.

Отчасти то же самое видим мы и в романе Ф.М. Достоевского "Бесы", где Иван Яковлевич карикатурно изображен под именем Семена Яковлевича. Семен Яковлевич "проживает на покое, в довольстве и холе", при этом люди, приходящие к нему, сами обманывают себя, "добываясь юродивого слова, поклоняясь и жертвуя". Весьма выразительны глаголы, обозначающие действия Семена Яковлевича: "изволит обедать", "заседал ... в креслах", "откушал уху", "изволил выговорить силным басом", "приказывал", "указал", "награждал", "не унимался", "ткнул пальцем" и т.п. [2, т. 10, с. 256]. Достоевский создает фактически еще один образ Фомы Опискина. Интересно, что еще в повести "Село Степанчиково и его обитатели" писатель упоминает о Корейше как явлении двусмысленным и связал его с образом Фомы: "Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияние различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых а сумасшедших домах иными барынями, из любительниц" [2, т. 3, с. 8]. Но в "Бесах" интересно еще и другое: как Достоевский изображает посетителей Ивана Яковлевича, явившихся к прорицателю за чудом. "В комнате былолюдно — человек до дюжины одних посетителей. <...> Все ждали своего счастья, не осмеливаясь заговорить сами. Человека четыре стояли на коленях, но всех более обращал на себя внимание

помещик, человек толстый, лет сорока пяти, стоявший на коленях у самой решетки, ближе всех на виду, и с благоговением ожидавший благосклонного взгляда или слова Семена Яковлевича. Стоял он уже около часу, а тот все не замечал" [2, т. 10, с. 276]. Посетители Семена Яковлевича, приходящие за "юродивым словом", а вовсе не за духовной поддержкой, весьма жалки у Достоевского в своем самообмане. Не случайно эпизод о посещении Семена Яковлевича в сумасшедшем доме веселой компанией заканчивается комично и некрасиво.

– Что же, Семен Яковлевич, неужто не "изречете" и мне чего-нибудь? А я так много на вас рассчитывала.

– В... тебя, в... тебя! – произнес вдруг, обращаясь к ней, Семен Яковлевич крайне нецензурное словцо. Слова сказаны были свирепо и с ужасающей отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглав бегом вон, кавалеры гомерически захохотали. Тем и кончилась наша поездка к Семену Яковлевичу [2, т. 10, с. 260].

Тут же вспоминается другая народная толпа у старца Зосимы в романе "Братья Карамазовы". Святость настоящая, освященная Христовым ликом и искренней верой, духовное общение старца со своими прихожанами, согретое христианской любовью к людям, как это отличает подвижничество Зосимы от юродствующего притворства Семена Яковлевича. Да и женщины, пришедшие в монастырь под Скотопригоньевском, как они не похожи на посетительниц сумасшедшего дома, явившиеся лицезреть "чудо".

Литература:

1. Анненский Л.А. Несломленный. Повесть о Ласкове // Три еретика. – М.: Книга, 1988. С. 229-351.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1989.
3. Лесков Н.С. Очерки из истории Тамбовского края // Гражданин. – 1874. – № 4. – 26 января.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб. – М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882.
5. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 199-209.
6. Никитин О.В. Предсказание И.Я. Корейши Ф.И. Буслаеву // Русская речь. – 2002. – № 3. – С. 90-91.
7. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. – М.: Художественная литература, 1958.